

Сов. Молодежь. - Рига. - 1990. - 3 марта

Анатолий Приставкин:

«Я ХОЧУ ТОЛЬКО РАССКАЗАТЬ ПРАВДУ...»

Имя Анатолия Приставкина, одного из известнейших советских писателей, а с недавних пор и лидера организации «Апрель», у всех на устах. Нам удалось взять у Анатолия Игнатьевича интервью, пользуясь его пребыванием в Доме творчества писателей в Дубулты. Итак, писатель, публицист и общественный деятель АНАТОЛИЙ ПРИСТАВКИН отвечает на вопросы, волнующие сегодня всех нас.

— Анатолий Игнатьевич, вы — писатель и один из лидеров организации «Апрель». Если б вам пришлось выбирать между писательской и общественной деятельностью, на чем бы вы остановили выбор?

— Я не выбрал бы ни того, ни другого. Деятельность писателя — сумасшедшая деятельность, и человек, ставший писателем, скорее всего несчастлив. А общественная деятельность вообще противопоказана творческому человеку...

— А у нас в стране к тому же идет активное взаимопроникновение этих двух сфер... А как быть с постулатом, что искусство всегда вне политики?..

— Истинное искусство таково. И не только в нашей стране. Политизация искусства — это ненормальное явление. Но во все периоды, когда создается революционная ситуация, писатели перестают заниматься своим прямым делом, ибо у них есть еще и гражданский долг. Всегда так: пахарь бросает плуг, рабочий — станок... Писатель перестает писать и начинает руководить, бороться, ходить на собрания, организовывать общества... Скажем, «Мемориал». И только так можно повлиять на события. Очень хорошо сказал Коротич: «Если перестройка закончится трагически, каждый из нас должен спросить себя: «А все ли я сделал, чтобы этого не произошло?».

— Но сейчас бытует мнение, что «Апрель» — только альтернатива «Памяти» в Союзе писателей...

— Это нормальное мнение. Формально в СП «Памяти» нет. Но есть Союз писателей РСФСР, который по своему духу примыкает к «Памяти». Ведь среди людей, интеллигенции отношение к «Памяти» разное. Она начинала как историческое общество, но уже давно превратилась в организацию профашистскую, шовинистическую и антисемитскую. А ее идеологическим центром является СП РСФСР. Я даже могу сказать, что «крестным отцом» «Памяти» является писатель Юрий Бондарев. Это недостойно писателя, недостойно интеллигентного человека, но факты таковы... «Апрель» — за демократию, нам чужды любые антидемократические устремления. Именно поэтому мы невольно стали противниками «Памяти».

— Печально, когда писатели, аристократы духа, идут «стенка на стенку»...

— Думаю, слово «печально» не от того, что идет интеллигент на интеллигента, писатель на писателя... Нормальное развитие культуры — это всегда борьба. Но, конечно, не на кулаках.

— А у нас-то именно на кулаках!

— Так ведь условия, наше общество ненормальны. Они антидемократичны по своей природе. В любой стране мира люди, приходи-

щие на чужое собрание, выкрикивающие фашистские лозунги, вступающие в драку, отвечают по закону. А ведь боевики той же «Памяти» — не просто горлопаны, вооруженные лишь кулаками. Нет, уже организованы дружины, оснащенные оружием. Это напоминает преднацистскую Германию, а ведь мы помним, чем все кончилось. Интеллигенция бездействовала, и ее уничтожили. Так что отпор необходим.

— И вы могли бы бороться на Съезде... Вас же выдвигали в депутаты?

— Действительно, я баллотировался по Пролетарскому району Москвы. Райкому партии надо было провести своего выдвигенца, и аппаратчики изолировали незаконным образом группу депутатов, в том числе и меня. А уже недавно, при выборах в Верховный Совет РСФСР, я действительно отказался баллотироваться, уж слишком там удручающее положение.

— А может, стоило все же попытаться изменить Верховный Совет «изнутри»?

— В Верховном Совете продолжает свою деятельность Межрегиональная группа, идет борьба не на равных и потому во многом безуспешная. А «Апрель» сейчас на виду, и я считаю деятельность в нем гораздо более плодотворной...

— Ваше отношение к КПСС известно по выступлениям, но ведь «Апрель» — «движение писателей за перестройку», а перестройку начала партия...

— Нет, КПСС не начинала перестройку. Начал ее один человек — Горбачев, начал вопреки партии и продолжает вопреки ей. Более того, все пять лет перестройки показали, что КПСС и есть основной ее тормоз. Отнюдь не странно, что партийные органы в Баку имели непосредственное отношение к беспорядкам, партийные боссы в ЦК — к рашидовщине, к событиям в Средней Азии.

— Значит, КПСС не может вывести страну из кризиса?

— Безусловно, причем уже 70 лет. А в кризисе страна во многом потому, что КПСС стояла у руля.

— Что же тогда — многопартийная система?

— Да, это нормальный путь. Такой процесс идет полным ходом в Восточной Европе. Да и Прибалтийские республики, не успевшие так далеко зайти в построении «коммунизма», движутся к многопартийности намного быстрее. Не будь такой жесткой зависимости от Москвы, они стояли бы сейчас на уровне Польши и Чехословакии. Зависимость мешает им в продвижении вперед, но все равно мы либо обратимся к многопартийной системе, либо так и останемся на уровне Северной Кореи.

— Политика стала центром жизни. Она жестока, и

это отражается в искусстве — фильмах, музыке, в ваших жестких, страшных «Кукушатах», «Тучке...». А не вызовет ли это у людей усталости от реальности и ухода в мистику, в «летающие тарелки», к примеру?

— Наше общество далеко превышает по жесткости любое произведение искусства. Да, искусство должно смягчать нравы. Но не покажем же соцреалистической «борьбы хорошего с отличным»! Искусство — зеркало, а зеркало не принято бить из-за того, что оно отражает правду... Мы просто увидели себя — и ужаснулись. А мистика — другая область.

— Но не есть ли мистика один из вариантов ухода от проблем, от страшного зеркала?

— Не совсем так... Если бы с негативными явлениями нашей жизни шла активная борьба, все было бы иначе. Но борьбы нет, зло остается, и люди видят его. А мистика во все времена была сказкой, отключающей человека от действительности. Мало кто об этом знает, но я десять лет учился у гуру, и я очень многое умею именно в «мистических» областях. Я вижу пальцами цвета, определяю взглядом болезни... Однако писатель Приставкин не ушел в мистику, он — в «Апреле». Я отвергаю мистику не как факт, а как болезненное увлечение, ибо она — первый признак беспомощности, пессимизма. Как сказал один чешский писатель: «В России появилось много летающих тарелок, значит, дела плохи...». И я повторю это не как атеист, а как человек верующий, у которого на груди крест.

— Вопрос, быть может, немного некорректный: вы не боитесь? Ведь у нас в стране принято разбивать зеркала, показывающие правду...

— И я видел, как их разбивают. После написания «Тучки» вокруг меня создали мертвую зону. Меня вызывали в КГБ... Если бы не перестройка — не дотянуть мне до нашего времени. Всю мою жизнь меня не пускали за рубеж, я выехал впервые в позапрошлом году. Все, что может нас ожидать, мое поколение испытало на себе. «Апрель» потому и появился, что мы понимаем: возвращение к прошлому — смерть для всех. Солженицын сказал: «На вопрос, как я представляю коммунизм, я отвечаю: коммунизм — это небытие». Вернуться к нашему «коммунизму» — значит вернуться в небытие. И это, увы, проверено на людях. Об этом следующая моя работа — «Рязанка». О том, как система уничтожила целое поколение моих друзей. И будут говорить: опять жестокость, опять трагедия. Но ведь это правда. Система действительно вырубала моих друзей без всякой жалости, и я хочу рассказать об этом правду. Только и всего.

— Спасибо. Мы желаем вам, чтобы ваше зеркало никогда не было разбито.

С. А. Приставкиным беседовали учащиеся Пушкинского лицея
Михаил ЗИЛЬБЕРМАН
и Александр ГАРРОС.